

СОНА СКОФИЛД

РАЗВОД В 45.
ОТЕЦ ЕГО ЛЮБОВНИЦЫ
ВЫБРАЛ МЕНЯ

Сона Скофилд

**Развод в 45. Отец его
любовницы выбрал меня**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Развод в 45. Отец его любовницы выбрал меня / С. Скофилд — «Автор», 2026

В сорок пять я застала мужа с любовницей на открытии отеля, который готовила к запуску. Через несколько минут выяснилось, что ее отец — Матвей Веденин, владелец гостиничного холдинга и человек, способный одним решением уничтожить мою карьеру. Но вместо того чтобы защищать дочь, Матвей предложил мне спасти проблемный проект. Подделанные документы, пропавшие деньги и рискованный аудит связывают нас крепче любого договора. А мой бывший муж уже готов отнять фирму и доказать всем, что новый роман — всего лишь месть. Чтобы сохранить свое имя, дело и свободу, я должна завершить проект без чужого спасения. А Матвею придется доказать, что он выбрал меня не назло дочери и не вопреки скандалу. Только готова ли я после двадцати двух лет брака поверить мужчине, который знает обо мне слишком много?

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место за чужим столом	5
Глава 2. Чужая подпись	10
Глава 3. Мои условия	14
Глава 4. Восемнадцать закрытых дверей	18
Глава 5. Ошибка, которую я признаю	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сона Скофилд

Развод в 45. Отец его любовницы выбрал меня

Глава 1. Место за чужим столом

К семи вечера в демонстрационном корпусе «Белого берега» оставалось сорок три гостя, хотя по списку должны были приехать пятьдесят два. Для кухни это было хорошей новостью, для Вадима — поводом потребовать, чтобы свободные места исчезли до начала ужина, а для меня обычной задачей: убрать лишние приборы, пересадить представителей туроператора ближе к окну и не дать никому заметить, что план менялся на ходу.

Я прошла между столами, проверяя расстояние до прохода. Официант с подносом должен был свободно развернуться, а гость — встать, не толкнув соседа. На бумаге подобные мелочи занимали одну строку. Вечером именно они определяли, запомнят люди вид на воду или локоть чужого пиджака у своего бокала.

— Стол у колонны снимаем, — сказала я администратору. — Таблички Ведениной и Ракитина перенесите к центральному. Представителя банка оставьте с Агеевым. И проверьте еще раз безлактозный десерт для третьего стола.

— Уже проверили.

— Кто и когда?

Администратор назвала имя кондитера и время. Этого было достаточно.

Нина возникла рядом с планшетом в руке. Она умела подходить так, чтобы не прерывать разговор, и ждать ровно столько, сколько требовалось человеку для завершения фразы.

— В западном санузле снова не закрывается крайняя кабина, — сообщила она. — Инженер там. Еще журналист из отраслевого издания просит комментарий владельца до речи.

— Отправь запрос пресс-службе. Если через десять минут ответа не будет, пусть берет комментарий у директора отеля о концепции запуска. Кабину закройте и поставьте табличку. Гостям не нужно знать, что петлю заказали на два миллиметра короче.

Нина отметила пункты и посмотрела на меня внимательнее, чем требовала работа.

— Вадим приехал?

— Его машина на парковке.

Муж не отвечал мне с обеда. Последние два месяца он чаще ночевал в служебной квартире, объясняя это подготовкой отеля и переговорами о новой должности. Я верила не каждому объяснению, но верила общей причине: если объект открывается в срок, на финальном этапе никто не считает часы. Мы оба жили так много лет.

— Значит, переодевается или разговаривает, — сказала я. — Не ищи его. У нас подача через двадцать минут.

Нина не стала напоминать, что речь коммерческого директора стояла в программе первой. Она знала: я помню.

На террасе пахло мокрой доской и холодной водой. Сентябрьский вечер оказался теплее прогноза, но после заката гости все равно потянулись внутрь. Я попросила убрать два обогревателя от занавесей и вернулась в зал через служебный коридор. Там было быстрее, хотя часть светильников еще не подключили и между дверями лежали свернутые дорожки.

Из-за поворота донесся голос женщины.

— Ты обещал сказать ей до приема.

Я узнала Еву Веденину. На совещаниях она говорила быстрее и жестче, будто каждая пауза давала собеседнику возможность украсть ее идею. Сейчас голос был тише.

— Я скажу сегодня, — ответил Вадим. — Не здесь.

Я могла развернуться. Могла кашлянуть, дать им время отойти друг от друга и сохранить хотя бы видимость порядка до конца вечера. За двадцать два года брака я не раз выбирала подходящий момент вместо честного. В тот раз я просто прошла еще несколько шагов и увидела их у двери в пустую переговорную.

Ладонь Вадима лежала на талии Евы. Она держала его за лацкан, а он целовал ее так уверенно, как целуют человека, с которым давно не требуется выяснять, можно ли.

Я остановилась. Не закричала, не уронила телефон и не подумала ничего красивого. Первой пришла простая рабочая мысль: через четырнадцать минут шесть официантов начнут подачу, а человек, который должен открыть вечер, занят в коридоре.

Ева заметила меня первой. Отступила, поправила жакет и посмотрела Вадиму в лицо.

— Ты сказал, она не придет.

Он обернулся. В его выражении было раздражение человека, которому сорвали заранее подготовленный разговор.

— Агния, давай не сейчас.

— Через тринадцать минут твоя речь, — ответила я. — Если ты намерен ее произнести, тебе пора в зал.

Ева побледнела.

— Он сказал, вы больше года живете отдельно.

— Последние два месяца он часто ночует здесь. До этого мы жили в одной квартире.

— Агния, — резко произнес Вадим. — Не надо устраивать допрос.

— Я не задала ни одного вопроса.

Ева отпустила лацкан, который все еще держала. Вблизи она казалась моложе своих двадцати девяти, но растерянность не делала ее ребенком. Она смотрела то на меня, то на Вадима и, похоже, впервые сравнивала две версии одной жизни.

— А заявление? — спросила она. — Ты говорил, заявление подано весной.

— Мы собирались обсудить это после запуска, — сказал Вадим.

— Со мной ты ничего не собирался обсуждать, — возразила я. — Последний разговор о разводе у нас был семь лет назад, когда мы спорили из-за твоего переезда в Петербург. Тогда мы решили остаться вместе.

Он подошел на шаг, понизив голос.

— Наш брак давно существует только по привычке. Ты это знаешь. Не делай вид, будто я уничтожил счастливую семью.

— Восемь месяцев, — произнесла Ева.

Вадим повернулся к ней.

— Что?

— Мы вместе восемь месяцев. Ты сказал, что развод задерживает только оценка квартиры.

Срок оказался точнее любой исповеди. В январе мы с Вадимом отмечали годовщину в маленьком ресторане на Остоженке. Он подарил мне старое издание книги о гостиницах и смеялся, что даже романтический подарок у нас получился рабочим. В апреле мы выбрали плитку для кухни. В июле он подписывал открытку моей матери в больницу.

Я не стала перечислять это вслух. Ничего из перечисленного не меняло того, что происходило восемь месяцев.

— Сейчас мне нужно одно, — сказала я Вадиму. — До конца вечера твой помощник не должен иметь доступа ни к одной папке «Практики Лавровой». Ни к облаку, ни к архиву отчетов, ни к переписке с поставщиками.

- Причем здесь фирма?
- При том, что доступ был у него по твоей просьбе.
- Ты хочешь отомстить и сорвать открытие?
- Я хочу разделить то, что ты уже смешал.

Я открыла служебный чат и написала нашему специалисту по системе: закрыть внешние учетные записи, сохранить журнал входов, сменить пароли администраторов. Потом отправила Нине отдельное сообщение о временной передаче всех согласований ей.

Вадим попытался взять меня за локоть. Я отступила прежде, чем он коснулся.

— Не устраивай сцену перед людьми, — сказал он. — Мы спокойно договоримся. У тебя своя жизнь, у меня своя.

- Ты прав. Теперь у нас действительно разные жизни.
- Вы обещали ей развестись? — спросила Ева.
- Он ответил не сразу.
- Я собирался все решить.
- Это не ответ.

Из дальнего конца коридора слышались шаги. К нам шел Матвей Веденин — высокий, без пиджака, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки. Я видела его раньше на двух совещаниях: он задавал мало вопросов, но после каждого людям приходилось проверять цифры. Сейчас он остановился в нескольких метрах и посмотрел сначала на дочь, затем на Вадима.

- Ева?
- Не сейчас, папа.
- Через десять минут вы оба должны быть в зале.
- Я не выйду туда с ним.

Матвей перевел взгляд на меня. Я ожидала любопытства или неловкости, но увидела сосредоточенность, знакомую по аварийным планеркам: человек еще не знал причины сбоя и не торопился с решением.

- Агния Сергеевна, что произошло?
- Ваш коммерческий директор сообщил, что наш брак закончен. Ваша дочь уточнила срок их отношений. Я передаю прием своему заместителю и уезжаю.
- Это семейный разговор, — вмешался Вадим.
- Ты сделал его семейным сразу для двух семей, — ответила Ева.

Матвей не повысил голос.

— В зал ты не пойдешь, Вадим. Пресс-служба изменит программу. Ева, тебя отвезут в Москву.

- Я сама решу, когда уеду.
- Хорошо. Тогда скажи водителю, если он понадобится.

Он принял отказ без спора, и это почему-то запомнилось мне сильнее, чем его распоряжение Вадиму.

Телефон завибрировал. Нина сообщала, что доступы закрыты, журналы сохраняются, а ужин можно начать без приветственной речи, если ведущий получит новое объявление в течение пяти минут.

- Я должна вернуться в зал на три минуты, — сказала я. — Потом уеду.

Матвей кивнул, однако отступить не стал.

— Прежде чем вы уйдете, мне нужен ответ еще на один вопрос. Сегодня финансовая служба прислала мне два приложения к договорам подготовки объекта. На них стоит логотип вашей фирмы и ссылка на ваш операционный отчет. Вы их подписывали?

- Назовите номера.

Он назвал. Первый относился к временной схеме заселения персонала, которую мы готовили в мае. Второго я не знала.

— Приложение семь я не создавала, — сказала я. — В нашей нумерации после пятого идет итоговая ведомость без номера.

Вадим усмехнулся, но слишком поспешно.

— Агния, ты не можешь помнить каждый файл.

— Могу помнить структуру документа, по которому отвечает моя фирма.

Матвей посмотрел на него.

— С этого момента ты не подходишь к корпоративной системе до решения уполномоченных лиц. Телефон и ноутбук остаются у тебя, но служба безопасности фиксирует доступ. Это временная мера, а не вывод.

— Ты устраиваешь проверку из-за семейной истерики?

— Я устраиваю ее из-за приложения, происхождение которого оспаривает указанный автор.

Мне не понравилось, что мое имя уже стало аргументом в чужом споре, но Матвей хотя бы отделил измену от документов.

В зале ведущий объявил изменение программы. Я вошла через боковую дверь, подошла к Нине и передала ей планшет.

— Подача по прежнему графику. Комментарии о Вадиме и Еве не даем. Если спросят обо мне, я закончила рабочую часть по состоянию здоровья.

— Ты можешь остаться в служебном номере, — тихо сказала Нина.

— Не сегодня. Утром проверь, что журналы доступа выгружены в отдельный архив. Без моего письменного согласования никому ничего не отправляй, кроме специалиста, которого официально назначит заказчик.

Она взяла планшет, потом все же коснулась моей руки.

— Я справлюсь здесь.

— Я знаю.

Именно деловая точность ее слов помогла мне удержаться.

Я забрала пальто из гардероба и вышла на парковку. Вадим догнал меня возле машины.

— Куда ты едешь?

— В квартиру мамы.

— Ночью? Там же полгода никто не жил.

— Там есть вода, кровать и мои документы.

— Давай вернемся домой и поговорим.

— Домой ты можешь вернуться один. Завтра мой адвокат свяжется с тобой по поводу вещей и документов.

— У тебя уже есть адвокат?

— У моей фирмы есть юристы. Для семейного дела я найду отдельного.

Он смотрел на меня с настоящим удивлением. Видимо, ожидал, что прежде чем действовать, я потребую объяснений, дам ему время и соглашусь на разговор в удобной ему обстановке. Такой порядок служил ему двадцать два года.

— Ты сейчас в шоке, — сказал он. — Не принимай решений, о которых пожалеешь.

— Первое решение восемь месяцев назад принял ты.

Я села в машину и заперла дверь. Он постоял рядом, потом отступил.

Дорога до Москвы заняла почти два часа. Я ехала осторожно, останавливалась на заправке и отвечала только Нине. В наследственной квартире пахло закрытыми окнами и пылью. Я включила отопление, нашла чистое белье в шкафу и поставила телефон на зарядку.

Спать я не могла. Открыла рабочий ноутбук и проверила архив исходящих документов. В мае мы отправляли Вадиму общий отчет через его помощника, потому что корпоративный портал тогда два дня не работал. Файл назывался «Операционный план_версия 5». Следом в журнале значилась выгрузка, которой не было в моей локальной папке.

«Приложение 7_готовность_согласовано Лавровой».
Такой файл я никогда не создавала.

Глава 2. Чужая подпись

Утром в квартире матери нашлась пачка кофе с истекшим сроком, исправный чайник и ни одной подходящей рубашки. В восемь двадцать курьер привез чемодан, который собрала для меня Нина. Она не стала спрашивать, какие вещи нужны: взяла два деловых костюма, джинсы, лекарства, зарядные устройства и папку с документами фирмы.

Вадим домой не вернулся. Об этом сообщил консьерж, когда я заказала доставку остальных вещей на следующий день. Вопрос, где он ночевал, не требовал ответа для того, что мне предстояло сделать.

Я позвонила Дарье Мельник. Мы были знакомы по спору с арендодателем одного городского отеля, но семейными делами она занималась в отдельной практике.

— Мне нужна консультация по разводу и разделу имущества, — сказала я. — Брак двадцать два года, общая квартира, фирма создана в браке, наследственное жилье мое. Детей нет. Муж может быть связан с изменением рабочих документов.

— Последнее не обсуждаем по телефону, пока не поймем, что именно изменено, — ответила Дарья. — Документы на квартиру, наследство, фирму и последние три года доходов соберите отдельно. Сегодня сможете приехать к четырем?

— Да.

— И ничего не подписывайте, даже если вам предложат красивое и срочное соглашение.

Она не спросила, как я себя чувствую. За это я сразу решила ей доверять больше, чем человеку, который начал бы с сочувствия, не узнав фактов.

К десяти мы с Ниной и нашим системным администратором сидели в офисе «Практики Лавровой». Я объяснила команде только рабочую часть.

— В документах заказчика обнаружено приложение с нашим логотипом, происхождение которого я оспариваю. Все внешние доступы закрыты. Отправка файлов до нового распоряжения идет через Нину и меня. Ничего не удаляем, названия не исправляем, даты не меняем. Если получите запрос от «Северной линии», пересылайте мне.

— Вадим Олегович больше не согласует счета? — спросила бухгалтер.

— Он никогда не согласовывал наши счета. Он получал копии части отчетов как коммерческий директор заказчика. Теперь не получает.

Я сказала это ровно, чтобы напомнить и себе: не все в нашей работе принадлежало браку. У фирмы были договор, сотрудники, налоги и клиенты. Вадим пользовался близостью к этим процессам, но не создавал их вместо меня.

Системный администратор выгрузил журнал входов и записал контрольные значения архивов. Я не знала всех технических подробностей, поэтому попросила его составить отдельную записку: кто, когда и каким способом сохранил данные. Потом мы открыли исходную папку майского проекта.

Операционный план существовал в пяти версиях. После пятой шла ведомость замечаний. Приложения семь не было. Зато в журнале исходящей почты сохранилось письмо помощнику Вадима с архивом. Тогда портал заказчика действительно не работал, а мне нужно было отправить материалы к заседанию.

— Пароль от архива сообщали отдельно? — спросила Нина.

— В мессенджере Вадиму.

— Личном?

— Да.

Она ничего не сказала, но я сама увидела слабое место. Личный канал не делал Вадима автором подделки, однако давал ему исходный материал и возможность объяснять доступ семейной привычкой.

В одиннадцать позвонил Матвей.

— Совет собирается завтра, — сообщил он. — Сегодня Илья Агеев готов встретиться с вами в два часа. Нужны исходные файлы и человек, который объяснит порядок хранения.

— Внешняя проверка уже назначена?

— Проект решения готовят.

— Тогда я передам копии только по акту либо напрямую выбранной организации. Оригинальный носитель из офиса не выносим.

— Вы мне не доверяете?

— Вчера вы подозревали мою фирму. Сегодня у вас нет оснований требовать доверия, как и у меня нет оснований просить его.

После короткой паузы он назвал кабинет и согласился с порядком передачи.

Вадим приехал за сорок минут до моего отъезда. Секретарь хотела его остановить, но он прошел в переговорную, будто по-прежнему имел право входить без приглашения. В руках была тонкая папка.

— Нам надо договориться до того, как Веденин превратит это в показательную казнь, — сказал он.

— Садись. Разговор будет недолгим.

Он положил передо мной проект соглашения. По нему квартира в Замоскворечье оставалась ему, мне перечислялась сумма, примерно равная трети ее рыночной стоимости, а стороны обязались не распространять сведения о личной жизни и отказаться от взаимных претензий. О фирме говорилось одной строкой: корпоративные права оставались мне без дополнительной компенсации.

— Это выгоднее суда, — объяснил Вадим. — Ты сохраняешь компанию, получаешь деньги и не тратишь месяцы на скандал.

— Почему квартира оценена в эту сумму?

— Я ориентировался на предложения рядом.

— На какие?

— Агния, не начинай вести себя как аудитор. Мы оба понимаем порядок цифр.

— В документе есть обязательство не давать объяснений третьим лицам. Оно касается корпоративной проверки?

— Оно касается грязного белья. Ты не рассказываешь, как обнаружила нас, я не обсуждаю наши семейные проблемы. Документы компания проверит без твоей мести.

— Значит, ты считаешь объяснение происхождения рабочего файла мстью?

— Я считаю, что ты сейчас готова обвинить меня в чем угодно.

Я сфотографировала каждую страницу и отправила Дарье. Подписывать не стала.

— Ответ получишь через адвоката.

— У тебя уже есть адвокат. Быстро.

— Ты дал мне восемь месяцев на подготовку, просто не предупредил об этом.

Он потер переносицу. Раньше этот жест означал, что разговор утомил его и мне пора смягчить тон. Я продолжила ждать.

— Ева не отвечает, — сказал он наконец. — Ее отец заблокировал мой доступ и пытается сделать из меня преступника. Ты могла бы подтвердить, что эти приложения готовились в рамках обычной работы.

— Я подтверждаю только то, что готовила сама.

— Там нет ничего опасного. Сводные показатели готовности, расчеты подрядчиков. Ты сама давала исходные цифры.

— Тогда независимая проверка установит происхождение без нашей договоренности.

Он поднялся.

— Ты разрушаешь не только наш брак. Подумай о людях, которые останутся без проекта.

— Их работа зависит от готовности отеля, а не от моего молчания.

Когда он ушел, я записала время визита и отправила Дарье короткое описание разговора. Эмоции не превращались от этого в доказательство, но память через неделю могла заменить точные слова удобными.

В офисе «Северной линии» нас встретил Илья Агеев. Матвей сидел у окна, рядом стояла руководитель внутренней безопасности. На столе лежали распечатки двух приложений.

Я пришла с Ниной и нашим администратором. Мы показали структуру папок, журнал отправки и пять исходных версий. Илья задавал вопросы по порядку, не пытаясь поймать нас на оговорке. Матвей слушал, листая спорное приложение.

— Здесь указано, что девяносто два процента номерного фонда готовы к заселению, — сказал он. — В вашем пятом варианте семьдесят четыре.

— Потому что на дату моего отчета восемнадцать номеров были закрыты по инженерным работам.

— В приложении есть формулировка: «после устранения замечаний силами действующего подрядчика». Вы могли предполагать устранение?

— Могла. Но не подписала бы готовность до повторного осмотра.

Нина открыла ведомость замечаний. В ней стояли номера комнат, виды работ и ответственные лица. Дата создания — двадцать восьмое мая. Спорное приложение загрузили в систему заказчика четвертого июня, уже после нашего отчета. В свойствах файла автором значился пользователь коммерческого отдела «Северной линии».

— Это не доказывает, кто изменил текст, — предупредила руководитель безопасности. — Учетная запись могла использоваться несколькими сотрудниками. Нужно проверить журналы и устройства.

— Именно поэтому я прошу не называть виновного до проверки, — сказала я.

Матвей поднял взгляд.

— Вчера вы назвали документ чужим.

— Потому что я его не создавала. Это факт. Автор изменения пока не установлен. Это другой факт.

— Вы допускаете, что ваш сотрудник мог отправить его без вашего ведома?

— Допускаю все, что можно проверить. Нина предоставляет список доступа. Мои сотрудники подпишут объяснения. Но проверять их должна независимая сторона, а не я и не вы.

Илья отложил ручку.

— Предлагаю вынести завтра на совет назначение внешней проверки, временное ограничение доступа Вадима Олеговича и сохранение всех версий документов. До решения никто не делает публичных заявлений.

— Поддерживаю, — сказал Матвей.

— Вы председатель, а не весь совет, — напомнила я.

Его лицо осталось спокойным.

— Завтра это станет либо решением совета, либо не станет. Сегодня я говорю только о своей позиции.

Впервые за сутки мне не пришлось объяснять влиятельному мужчине разницу между желанием и полномочием.

После встречи я поехала к Дарье. Она просмотрела проект соглашения Вадима и сразу отметила два положения.

— Неразглашение сформулировано так широко, что он сможет обвинять вас в нарушении даже за ответы аудиторам. А отказ от взаимных требований может затронуть стоимость фирмы, хотя корпоративные права формально остаются вам. Мы это не подписываем.

— Он может претендовать на половину компании?

— Он может заявить требование о разделе совместно нажитого имущества и о компенсации стоимости. Что получит в итоге, зависит от документов, оценки, долгов и переговоров. Измена не лишает его имущественных прав.

— Я не собираюсь доказывать суду, что он плохой муж.

— Хорошо. Суду важнее, что приобретено в браке и за какие средства. Нам тоже.

Она составила список документов и предложила сначала подать заявление о расторжении брака, а сложный раздел вести отдельно. Я согласилась подготовить все к следующей неделе.

Вечером Илья позвонил еще раз. Решений совета пока не существовало; причиной звонка стала новая операционная проблема.

— Штатный директор объекта отказался гарантировать открытие без вашей команды. По его оценке, новый подрядчик войдет в процессы не раньше чем через три недели.

— У нас договор на подготовительный этап, он почти завершен.

— Формально да. Фактически никто, кроме вашей команды, не свел службы в единый план. Если завтра совет назначит аудит и отстранит Вадима, объект останется без человека, который знает все зависимости.

— Вы предлагаете мне продолжать работу рядом с семьей женщины, с которой он мне изменял?

— Я сообщаю, что без вашей команды отель не откроется восемнадцатого ноября. Решение будет ваше, если совет согласится с условиями.

Я подошла к окну. На столе лежал список имущества, на экране — спорное приложение, в телефоне — сообщения сотрудников, которым нужен был план на следующую неделю.

Отказаться означало защитить себя от ежедневного унижения. Остаться — позволить проверить мое имя там, где его использовали без разрешения.

— Передайте совету, что я представлю условия, — сказала я. — Не просьбу о спасении проекта. Условия договора.

Глава 3. Мои условия

Заседание совета назначили на десять утра пятнадцатого сентября. К девяти сорока у меня были распечатаны план на шестьдесят два календарных дня, смета резерва и перечень решений, которые нельзя принимать устно. Не было только уверенности, что пятеро людей за длинным столом захотят услышать плохие новости от женщины, чья фамилия стояла рядом с фамилией отстраненного коммерческого директора.

Матвей встретил меня у переговорной.

— Вадим вчера дал объяснения, — сказал он. — Считает, что приложения собирал коммерческий отдел из материалов вашей фирмы в обычном порядке.

— Тогда проверке будет что сравнивать.

— Вы не спросите, что он сказал о вас?

— На решение совета это не должно влиять. Если повлияет, я уйду до обсуждения сметы. Он задержал на мне взгляд, затем открыл дверь.

В совет входили Матвей, Илья Агеев, представитель банка развития и двое инвесторов. Ева сидела у дальней стены как директор по бренду и акционер, приглашенный по вопросу проекта. Вадима не было. На столе перед каждым лежала справка о семейных и деловых связях: мой брак с коммерческим директором, его отношения с дочерью председателя, договор моей фирмы с обществом.

Илья начал с процедурных вопросов. Совет большинством голосов утвердил временное ограничение доступа Вадима, сохранение его рабочих устройств для осмотра по установленному порядку и договор с внешней аудиторской организацией Антона Дементьева. Матвей голосовал по этим пунктам. Когда перешли к моему контракту, он первым заявил о заинтересованности и отказался участвовать в решении.

— Я остаюсь в помещении для ответов по проекту, — пояснил он. — Если Агния Сергеевна или любой член совета возразит, выйду.

Я не возразила. Мне было важно, чтобы он услышал условия без последующего пересказа.

На экране появилась таблица из четырех блоков: номерной фонд, инженерные системы, персонал и продажи. Я не обещала открыть все сто сорок номеров. Предлагала к дате запуска сто двенадцать, если независимый осмотр подтвердит безопасность, а оставшиеся вводить после завершения работ.

— Туроператорам продано размещение исходя из полного фонда, — напомнил представитель банка.

— Продано на ноябрь и декабрь. В первую неделю забронировано семьдесят четыре номера. Мы можем открыть меньший фонд без переселения гостей, если сейчас пересмотрим размещение групп и не будем продавать то, чего нет.

— Это удар по бренду, — сказала Ева. — Кампания построена вокруг полного комплекса.

— Большой удар — принять деньги за услугу, которой нет.

Она подалась вперед.

— Вы специально занижаете готовность, чтобы сделать проект зависимым от своей фирмы.

— Я указываю контрольные точки. На каждой совет сможет прекратить договор, если факт не подтвержден. Моя прибыль не зависит от количества выявленных недостатков.

— Но зависит от продолжительности работы.

— Поэтому срок фиксирован, продление возможно только отдельным решением совета, а не по моему отчету.

Илья попросил меня перечислить условия полностью.

— Первое: операционный контракт утверждает совет. Второе: ежедневные решения в пределах сметы принимает проектная группа, а изменение бюджета — финансовая комиссия. Третье: я не подчиняюсь единоличным указаниям Матвея Кирилловича или Евы Матвеевны. Четвертое: внешние аудиторы получают доступ к нашим исходникам напрямую, но не поручают моей фирме проверять спорные платежи. Пятое: все значимые приемки подписываются после фактического осмотра. Шестое: моя команда имеет право сообщать о риске без согласования с коммерческой службой.

— Вы просите исключительные условия, — заметил один инвестор.

— Я прошу условия, при которых личный конфликт не сможет снова попасть в рабочий документ.

Матвей не вмешивался. Ева перевернула несколько страниц и остановилась на резерве.

— Вы заложили расходы на независимую проверку номеров, хотя аудит уже назначен.

— Аудит проверяет договоры и платежи. Инженер подтверждает физическое состояние систем. Это разные задачи.

— Почему ваш инженер надежнее нашего?

— Не надежнее. Поэтому акт подписывают двое: ваш технический директор и привлеченный специалист. Если выводы расходятся, номер остается закрытым до повторного осмотра.

Представитель банка спросил о штрафах, инвестор — о кассовом резерве, Илья — о людях. Я отвечала по таблице, не скрывая, что четыре миллиона восьмисот тысяч резерва моей фирмы не предназначены для кредитования холдинга. Мы могли временно оплатить только собственные расходы, а не чужих подрядчиков.

Через час совет ушел на закрытое обсуждение. Я ждала в коридоре с Ниной. Она съела половину батончика и протянула остаток мне.

— Если откажут, у нас есть два небольших проекта и резерв на зарплаты, — сказала она. — Не идеально, но не конец света.

— Знаю.

— А если согласятся, нам придется за два месяца сделать то, на что нормальным людям дают три.

— Тоже знаю.

— Хорошо. Я проверяла, не отменила ли измена твою способность считать.

Я впервые за три дня засмеялась, коротко и без радости, но это все равно был смех.

Нас пригласили обратно. Контракт утвердили тремя голосами при одном воздержавшемся; Матвей в голосовании не участвовал. Ежедневный отчет направлялся Илье, копия — проектной группе. Внешнюю проверку начинали на следующий день. Вадима отстраняли от исполнения обязанностей на период служебной процедуры в предусмотренном компанией порядке.

— Вы готовы приступить сегодня? — спросил Илья.

— Команда уже едет на объект. Я подпишу договор после проверки формулировок юристом и начну осмотр в рамках действующего подготовительного контракта.

Ева резко закрыла папку.

— Удобно. Вы получили именно то, чего хотели.

— В пятницу вечером я хотела провести прием и вернуться домой с мужем. Сегодня мои желания устроены скромнее: понять, сколько номеров можно безопасно продать.

— Не прикрывайтесь безопасностью. Вы согласились остаться, чтобы быть рядом и следить за нами.

Илья уже хотел остановить ее, но я ответила сама.

— Ваши отношения с Вадимом не дают мне права следить за вами. Мои отношения с ним не дают вам права объяснять мою работу мстью. На объекте мы либо выполняем свои функции, либо одна из нас уходит. Я уходить не намерена.

Ева посмотрела на отца.

— Ты это устроил.

Матвей не оправдывался.

— Совет принял решение без моего голоса.

— Потому что ты заранее убедил их.

— Если у тебя есть сведения о давлении на членов совета, сообщи Илье. Если нет, обсуди с Агнией план бренда.

— Не командуй мной.

— Хорошо. Это была просьба, сформулированная плохо.

Она явно не ожидала исправления и на секунду растерялась. Потом вышла.

Мы с Ниной отправились в отель. Дорога заняла почти два часа. В машине я читала договор с правками Дарьи, отвечала сотрудникам и старалась не думать, что вечером снова увижу коридор у переговорной. Когда мы приехали, там уже сняли свернутые дорожки и подключили свет. Рабочее пространство снова выглядело рабочим.

Перед общей планеркой я встретила с нашей командой отдельно. Семеро сотрудников не обязаны были расплачиваться за мой семейный выбор, поэтому я показала им решение совета, пределы ответственности и денежный план.

— За ближайшие шестьдесят два дня мы получим по договору достаточно, чтобы закрыть дополнительные смены и сохранить резерв, — объяснила я. — Никаких расходов заказчика из собственных денег без письменного согласования. Если кто-то предлагает оплатить срочную покупку с личной карты, сначала звонит Нине.

— А если срочно нужна деталь за пять тысяч и комиссия соберется завтра? — спросил инженер нашей команды.

— Тогда штатный руководитель принимает расход в своем лимите. Мы не кредитуем холдинг из желания выглядеть полезными.

— Вадим Олегович раньше просил проводить мелкие расходы через нас, — заметила бухгалтер.

— Больше не просит. Все прежние случаи соберите в отдельный перечень и передайте аудиторам, если они запросят. Не исправляйте назначения платежей задним числом.

Нина вывела на экран новую схему отчетности. Каждый существенный риск получал ответственного, срок и источник подтверждения. В графе «решение собственника» нельзя было писать имя Матвея без протокола или поручения уполномоченного лица.

— У нас будут люди заказчика, которые считают Агнию виноватой, — сказала Нина. — И люди, которые захотят рассказать ей все плохое о Вадиме. Ни с теми, ни с другими личное не обсуждаем. Мы здесь открываем отель.

Сотрудники задавали вопросы о доступах и безопасности, потом разошлись по службам. Никто не пытался меня утешить при всех. Я ценила это сильнее заверений, что команда всегда на моей стороне. В работе сторона должна быть у проверяемого факта.

Первую планерку я провела с руководителями служб. Попросила каждого назвать три препятствия открытию, за которые он отвечает лично. Люди говорили осторожно. После отстранения Вадима никто не понимал, какая версия правды окажется безопасной.

— Мне не нужны фамилии виновных, — сказала я. — Мне нужны номера помещений, сроки, недостающие материалы и документы. Если вы подписали то, что не видели, сообщите отдельно юристу и аудиторам. На планерке мы не проводим следствие.

Инженер поднял руку.

— По северному крылу есть вопрос с циркуляцией горячей воды. Подрядчик обещал закрыть до понедельника.

— Сколько номеров затронуто?

— Формально восемнадцать. Но можно открыть стояки поэтапно.

— Формально они числятся готовыми.

Он отвел взгляд.

— В акте указано, что замечание не мешает эксплуатации.

— Кто это подтвердил?

— Коммерческая служба согласовала приложение.

Мы поднялись на третий этаж. Матвей присоединился к осмотру, но шел позади и не вмешивался. В первом номере вода из горячего крана шла холодной. Во втором не шла вовсе. На стене у технического шкафа осталась карандашная отметка монтажника, а дверца была закрыта временным винтом.

Я проверила еще четыре номера. Результат повторился.

— Закрываем все восемнадцать, — сказала я. — До независимого осмотра не считаем их доступными ни для гостей, ни для персонала.

Директор отеля побледнел.

— Тогда показатель готовности упадет ниже восьмидесяти процентов.

— Показатель уже ниже. Мы только перестанем писать другую цифру.

Матвей подошел к крану, открыл его и подождал. Ничего не изменилось.

— За эти работы заплатили? — спросил он.

— По реестру — да, — ответил инженер.

— Реестр передайте аудиторам, — сказала я. — А нам нужны схема стояков, остаток материалов и человек, который реально вел монтаж.

Мы поднялись еще на один этаж. Там горячая вода работала, но две двери открывались одним и тем же тестовым ключом. Руководитель размещения заверил, что перед запуском ключи перепрограммируют.

— Когда? — спросила я.

— После окончательной загрузки номерного фонда.

— Дата и ответственный?

Он пролистал переписку и не нашел ни того, ни другого. Я добавила задачу в блок без-опасности. Матвей прочитал запись и спросил, почему проблема с ключами стоит выше недо-стающих светильников в коридоре.

— Светильник неудобен. Чужой ключ опасен. При ограниченном времени сначала закрываем риск для человека, потом внешний вид.

— На приеме все выглядело почти готовым.

— Прием проходил в одном корпусе и длился три часа. Отель должен работать кругло-суточно. Демонстрационный маршрут показывает лучшее, операционный обход ищет худшее.

Он посмотрел на длинный список и спросил без приказного тона:

— Что вам нужно от меня до завтра?

— Добиться, чтобы руководители служб получили письменное право говорить с нами без коммерческой службы. И не обещать совету процент готовности до повторного осмотра.

— Сделаю первое. Второе уже не обещаю.

Ответ был сухим, но честным. Мне не требовалось, чтобы он соглашался со всем. Тре-бовалось, чтобы несогласие не меняло факты.

В ведомости напротив восемнадцати номеров стояло слово «готово». Я провела черту и записала новый статус: «закрыто до осмотра».

Первым фактом шестидесятидвухдневного плана стала вода, которой не было.

Глава 4. Восемнадцать закрытых дверей

Шестнадцатого сентября я выехала из Москвы в шесть двадцать. К восьми в «Белом берегу» уже работали инженер, независимый специалист по водоснабжению, начальник хозяйственной службы и две горничные. Последних я пригласила не ради численности. Люди, которые ежедневно готовят номера, раньше руководства замечают слабый напор, протечки и неисправные замки.

Мы начали с третьего этажа. В каждом помещении я отмечала три категории: препятствие заселению, недостаток, который можно устранить без закрытия, и косметическое замечание. Царапина на плинтусе не имела того же веса, что неработающая вентиляция. Если смешать их в одном длинном списке, подрядчик исправит плинтус и отчитается о сокращении замечаний.

В восьми номерах горячая вода появлялась через семь минут и быстро остывала. В шести не работала циркуляция. В четырех монтаж стояка не был завершен, хотя технические короба уже закрыли панелями.

— Кто разрешил зашить трубы до испытаний? — спросила я.

Начальник участка подрядчика перелистал журнал.

— У нас было устное согласование.

— С кем?

— С коммерческой службой.

— Имя и дата.

Он назвал помощника Вадима и приблизительную неделю. Я попросила записать объяснение собственными словами и направить внешним аудиторам через утвержденный канал. В рабочую ведомость вошел только физический факт: панели смонтированы до завершения испытаний.

К полудню независимый специалист подтвердил, что безопаснее открыть систему по секциям и закончить монтаж с действующим подрядчиком под контролем, чем срочно менять бригаду. Новый исполнитель потратил бы несколько дней на обследование и мог отказаться отвечать за чужую часть работ.

Матвей приехал к часу. Он провел утро в московском офисе и сразу попросил краткий доклад.

— Оплаченный объем не соответствует фактическому, — сказала я. — Часть работ можно закончить за пять дней, если не останавливать безопасные участки. Фото и акты осмотра переданы аудиторам. Резервного подрядчика ищем, но вводим только после разграничения ответственности.

— Действующий договор расторгаем сегодня.

— Тогда бригада уйдет, а открытые стояки останутся. Материалы на складе принадлежат подрядчику до оформления передачи, и мы потеряем минимум неделю.

— Я не намерен платить людям, которые уже получили деньги за воздух.

— Новые платежи можно приостановить. Работы — продолжить в пределах оплаченного объема и под ежедневную фиксацию. Параллельно юристы готовят претензии.

— Они будут замечать следы.

— Следы уже зафиксированы независимым специалистом и фото. Если вы сейчас удалите их с площадки, доказать объем станет не легче. А гости не смогут жить в гражданском иске вместо номера.

Он посмотрел на инженера, потом на открытый короб.

— Кто отвечает за контроль?

— Технический директор заказчика и привлеченный инженер. Моя команда координирует график, но не подтверждает скрытые работы без их подписей.

Матвей достал телефон, однако не стал звонить подрядчику. Попросил юриста подготовить соглашение о порядке завершения оплаченных работ и сохранении материалов на объекте. Это было именно то решение, которое я предложила, только переведенное в его систему полномочий.

— До вечера хочу видеть график, — сказал он.

— Получите вместе с Ильей. В моем договоре нет прямого отчета вам.

— Я помню.

Он произнес это без раздражения. Мне не пришлось второй раз защищать условие, поставленное вчера.

После обеда мы проверяли документы по приемке. Начальник хозяйственной службы Сергей подписал акт, где номера значились готовыми. Он сидел передо мной в маленьком кабинете без окон и держал руки на коленях.

— Вадим Олегович сказал, что это промежуточная ведомость, — объяснил он. — Что окончательный акт будет после пуска.

— Вы читали заголовок?

— Читал.

— Там написано «акт приемки выполненных работ».

— Мне сказали, что если я задержу, поставщикам не заплатят и открытие сорвется.

— Кто сказал?

Он назвал коммерческого менеджера. Я попросила изложить обстоятельства аудиторам и временно исключила Сергея из подписания инженерных актов, но не отстранила от работы.

Матвей узнал об этом на вечерней планерке.

— Человек подписал несуществующую готовность. Почему он остается на должности?

— Потому что у нас нет полномочий увольнять его на основании одного разговора, а от его знаний зависит работа хозяйственной службы. Он больше не подписывает техническую приемку. Кадровое решение примет работодатель после объяснений.

— Вы ему верите?

— Я проверяю его слова. Это надежнее.

— Он мог получить деньги.

— Мог. Тогда аудит найдет след или не найдет. Пока у нас есть признанный факт неправильной подписи и показание о давлении. Если уволить его сейчас с публичным обвинением, мы получим трудовой спор и потеряем человека, который знает объект.

Матвей долго листал ведомость, после чего согласился с временным ограничением полномочий Сергея.

Нина, сидевшая рядом, прислала мне сообщение: «Он учится. Медленно, но без сопротивления». Я закрыла экран, чтобы никто не увидел, и не ответила.

К пяти вечера открытый стояк дал течь. Монтажник заметил ее сразу и перекрыл участок, но вода успела пройти под панель в соседнем номере. Начальник подрядчика предложил высушить покрытие и закрыть панель до утреннего показа инвесторам.

— Панель останется открытой, — сказала я. — Влагу измеряем после сушки, результат прикладываем к акту. Номер закрыт.

— Там пятно размером с ладонь, — возразил он. — К утру следа не будет.

— След и причина — разные вещи. Если закроем мокрый участок, через месяц получим запах и разбор стены при гостях.

Матвей спросил, сколько стоит замена покрытия. Начальник назвал сумму и попытался объяснить, что ущерб несущественный. Матвей уже собирался потребовать удержать деньги из ближайшего платежа, но я остановила разговор.

— Сначала акт, причина и граница ответственности. Мы не знаем, ошибся монтажник сегодня или соединение было установлено неверно раньше.

Монтажник, молодой парень по имени Артем, стоял рядом и слушал, как руководители обсуждают его возможную вину. Я попросила всех, кроме инженера, выйти из номера.

— Расскажите последовательность, — сказала я Артему. — Что открыли, какое давление было, когда увидели воду.

Он объяснил, что соединение уже стояло, а он снимал заглушку для испытания. Давление было в пределах задания, течь пошла из старого стыка. Инженер проверил журнал и нашел монтажную запись другой бригады.

— Значит, сегодняшний сотрудник своевременно заметил дефект и перекрыл участок, — зафиксировала я на планерке. — Не штрафует человека за то, что он сообщил о проблеме. Ответственность за старый монтаж устанавливаем по документам.

Матвей кивнул. Для владельца компании это решение стоило нескольких минут. Для рабочих — доверия к следующему сообщению об ошибке.

К шести вечера выяснилось, что в резерве не хватает двух циркуляционных насосов. Подрядчик утверждал, что их привезли в августе. Кладовщик показывал журнал, где стояла подпись неизвестного ему человека. Камеры на разгрузочной площадке хранили записи только тридцать дней, поэтому августовской поставки уже не было видно.

— Проверяем счета и транспортные документы через аудит, — сказала я. — Сегодня заказываем насосы у резервного поставщика после согласования комиссии. Если старые найдутся, используем на следующем объекте или вернем по договору.

— Двойная оплата, — заметил финансовый директор.

— Да. И пять потерянных дней, если будем ждать результата проверки. Решение о расходе ваше. Мое заключение: без насосов восемнадцать номеров останутся закрыты.

Комиссия одобрила закупку. Я не называла это победой. В гостинице результат измерялся возможностью гостя принять душ, количество согласованных счетов имело второстепенное значение.

Поздно вечером мы с Ниной устроились в служебных номерах. Ехать в Москву после четырнадцати часов на ногах было опасно и бессмысленно. Я позвонила Дарье, подтвердила список документов для развода и договорилась на следующий прием. Вадим прислал пять сообщений. В первых двух требовал поговорить, в третьем обвинял Матвея, в четвертом обещал объяснить все без адвокатов. Пятое состояло из фотографии нашей общей кухни и фразы: «Ты правда готова вычеркнуть двадцать два года?»

Я сохранила переписку и не ответила. Двадцать два года нельзя было вычеркнуть. Но продолжать их из-за общей кухни я тоже не собиралась.

Перед ночным перерывом Матвей попросил пройти с ним к северному крылу. Рабочие уже закончили смену, открытые технические короба закрыли защитными экранами.

— Я хотел уволить всех, кто подписал акты, — сказал он. — Сейчас понимаю, что половина людей исполняла распоряжения.

— Исполнение не освобождает от ответственности. Но ответственность бывает разной. Кто-то ошибся, кто-то поддался давлению, кто-то получил выгоду. Если назначить одно наказание до проверки, остальные замолчат.

— Вы всегда защищаете сотрудников?

— Нет. Я защищаю порядок, в котором человек знает, за какой поступок отвечает. Иначе руководитель может выбрать удобного виновного.

— Вы считаете, я именно это делаю?

— Сегодня хотели. Потом согласились на проверку.

Он остановился у двери первого закрытого номера.

— Мне трудно ждать, когда убыток уже виден.

— А мне трудно работать рядом с вами после того, что сделала ваша дочь. Но трудность не дает нам дополнительных полномочий.

Матвей принял удар без оправдания Евы.

— Справедливо. Хотя мне хотелось бы возразить.

— Возразите, когда найдете факт.

Утром независимый инженер принес предварительный акт. Мы стояли у стойки временной администрации, просматривая приложения. Под списком фактических недостатков была ссылка на документ, по которому подрядчик обосновал завершение этапа.

— Вот основание, — сказал инженер. — Приложение к операционной записке. Здесь указано, что ваша фирма согласовала поэтапный ввод без повторного испытания.

Я взяла лист. Внизу стояло: «А. С. Лаврова», хотя в официальных документах я оставалась Ракитиной, а профессиональную фамилию никогда не сокращала до инициалов в подписях. Текст ссылался на приложение семь.

— Эту формулировку я не согласовывала.

Матвей стоял рядом и прочел абзац через мое плечо, не касаясь бумаги.

— У аудиторов уже есть копия?

— Сейчас будет, — ответила я. — А у нас появился еще один вопрос: откуда человек, который составлял акт, взял старый шаблон моей подписи.

Глава 5. Ошибка, которую я признаю

Восемнадцатого сентября Нина нашла письмо, которое я сама не вспомнила бы без архива. Три года назад, во время запуска гостиницы в Твери, я разрешила помощнику Вадима подключить общую папку к его рабочей учетной записи. Тогда фирма состояла из четырех человек, портал заказчика постоянно отказывал, а Вадим вел коммерческую часть проекта. После открытия доступ ограничили, но не закрыли полностью: учетная запись по-прежнему видела каталог старых шаблонов и копии некоторых отчетов.

— Он не мог зайти в текущие договоры, — сказал наш администратор. — Но мог скачать формы актов, таблицы и письма, которые мы складывали в общий архив до прошлого года. В том числе образец подписи на служебной записке.

— Почему доступ не появился в первом списке?

— Учетная запись принадлежит домену заказчика и числилась архивной. Я проверял активных внешних пользователей.

— То есть фильтр был слишком узким.

— Да.

Я могла дожидаться, пока аудиторы сами найдут этот канал. Возможно, не нашли бы: текущие файлы через него не проходили, а журнал хранил не все события трехлетней давности. Но тогда любой поздний вопрос выглядел бы так, будто мы скрывали неудобный факт.

— Готовьте полную записку, — сказала я. — Когда выдан доступ, кто согласовал, какие папки были видны, когда изменились права. Без предположений о том, кто пользовался учетной записью.

Нина закрыла дверь переговорной.

— Ты понимаешь, что совет может снять нас с проекта?

— Понимаю.

— И что Вадим скажет: ты сама дала ему все материалы?

— Я дала доступ к старым шаблонам в рамках общего проекта. Это была плохая граница, но не разрешение менять сведения о готовности.

— Я не спорю. Хочу знать, не решишь ли ты сначала придумать более приятную формулировку.

— Если придумаю, останови меня.

Она кивнула. Наша дружба никогда не была главным условием работы. Нина могла спорить со мной именно потому, что отвечала перед компанией, а не перед моим настроением.

Антон Дементьев согласился принять нас в московском офисе аудиторской организации в тот же день. Матвею и Илье я направила уведомление, но не подробности: сначала сведения должны были получить люди, которым совет поручил проверку.

Антон оказался сухощавым мужчиной с привычкой перечитывать вопрос перед ответом. В комнате вместе с ним сидели специалист по цифровым следам и юрист. Они записали наши объяснения, приняли копию журнала по акту и отдельно уточнили, кто знал пароль.

— Пароль от майского архива знали я и Вадим, — сказала я. — Но старый подключенный каталог открывался через учетную запись его помощника без этого пароля.

— Вы можете утверждать, кто скачивал шаблоны? — спросил специалист.

— Нет.

— Кто отвечал за прекращение доступа после тверского проекта?

— Я как руководитель фирмы. Технически действие должен был выполнить администратор, но распоряжение должна была дать я. Не дала.

Антон сделал пометку.

— Почему сообщаете сейчас?

— Нашли письмо при расширенной проверке. Скрывать обстоятельство, которое объясняет источник шаблона, считаю неправильным.

— Допускаете, что сотрудник вашей фирмы использовал канал?

— У нас не было доступа к учетной записи помощника Вадима. Но я допускаю проверку любого сотрудника, у которого были шаблоны. Готова предоставить перечень в пределах закона и договора.

Антон не похвалил меня за честность. Правильно сделал: раскрытие собственного промаха не было подвигом. Он попросил оставить специалиста на связи и предупредил, что до завершения проверки аудиторы не будут сообщать нам промежуточные выводы.

Перед уходом специалист показал список мер, которые рекомендовал ввести немедленно: отдельные рабочие и личные каналы, двухэтапное подтверждение внешнего доступа, ежеквартальную ревизию учетных записей, запрет на передачу паролей через личные сообщения. Половину этих пунктов мы должны были сделать раньше.

— Внедряем сегодня, — сказала я Нине.

— Двухэтапное подтверждение потребует новых лицензий.

— Оплачиваем из административного бюджета фирмы. Это наша цена ошибки, заказчику не выставляем.

— Команде придется дважды входить на каждом объекте. Будут ворчать.

— Пусть ворчат. Удобство уже обошлось дороже лицензий.

В офисе я собрала сотрудников и объяснила причину изменений. Не называла Вадима поддельвателем и не перекладывала все на администратора.

— Старый внешний доступ сохранился по моему недосмотру, — сказала я. — Текущие данные через него не проходили, но шаблон подписи был доступен. Аудиторы проверяют использование. С сегодняшнего дня личные каналы для рабочих файлов запрещены, даже если заказчик торопит.

— А если это ваш муж просит? — спросила бухгалтер и сразу смутилась.

— Особенно если просит близкий человек. Родство не является способом авторизации.

Кто-то усмехнулся, напряжение уменьшилось. Затем начались практические вопросы: как работать на площадке с плохой связью, что делать с файлами поставщиков, кто закрывает прежние гостевые записи. Мы распределили задачи и назначили проверку через неделю.

После встречи Нина осталась.

— Ты могла сказать, что ошибся прежний администратор. Он действительно должен был закрыть доступ.

— Могла. Но распоряжение не было зафиксировано. Руководитель отвечает за систему, в которой обязательная задача зависит от памяти сотрудника.

— Не бери на себя больше, чем твое.

— Я беру ровно свое. Это помогает не принять чужое.

Матвей ждал в холле. Получив мое короткое сообщение, он приехал из главного офиса, хотя я не просила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.